

Обыкновенное чудо

Сергей Фёдорович Харитонов был Человеком. Он родился в Переславле в 1897 году, а умер, когда ему было 95 лет. Какая великая, необъятная взору даль за плечами! Какая широкая, долгая дорога жизни! Представить даже невозможно: все события в стране с начала века прошли на его глазах! Конец царствования императора, Октябрьская революция, кровопролитная Гражданская война, к началу Отечественной войны ему было 44 года — самый зрелый возраст для мужчины и гражданина.

В 1913 году Серёжа Харитонов окончил Переславское городское училище, трудовую деятельность начал с 16 лет. Был направлен на рабочий факультет Петровско-Разумовской академии и в 1923 году досрочно заканчивает его. Учился в Московском лесном институте и Ленинградской лесной академии. Слушал лекции выдающихся учёных: Р. С. Вильямса, Н. С. Нестерова, М. М. Орлова, М. Г. Ткаченко и других. Затем направляется на Высшие педагогические курсы Ленинградского сельскохозяйственного института. Назначается сначала сотрудником, а впоследствии заведующим лесным отделом музея социалистического сельского хозяйства. В лесном павильоне музея под руководством Сергея Фёдоровича собирается большая коллекция растений, закладывается агротехнический сад.

Трудоспособность человека просто поражает. Он работает и одновременно учится в аспирантуре, создаёт ряд работ по лесной селекции. Но это ещё не всё: С. Ф. Харитонов преподаёт в Ленинградском институте повышения квалификации рабочих лесной промышленности. Зная не понаслышке горячую увлечённость и одухотворённость С. Ф. Харитонова своим делом, которое всегда покоряло людей, можно смело говорить о том, что зёрна любви к природе приняли немало сердец.

Трудно сказать, что он думал о своём будущем, к какой конечной цели стремился, но, размышляя над сухими биографическими строками и продолжая их, можно смело сказать: человечество получило бы выдающегося учёного в области лесного хозяйства.

Война... Она не считалась ни с кем и ни с чем. Миллионы тонн смертоносного железа ворочалось на земле, пожирая сады, леса, дома. Чудовищно-неправдоподобный огненный молот заглотив миллионы человеческих жизней. Что уж там одна судьба — песчинка. В огне бомбардировок погибла диссертационная работа Сергея Фёдоровича, сам он был контужен при строительстве оборонительных сооружений под Ленинградом. Лежал в госпитале, был эвакуирован в Ярославскую область.

Я долго думал: предавать ли гласности факт из семейной жизни Сергея Фёдоровича? Надо! Для тех, кто знал его, это не было секретом, но сам он говорить об этом не любил. Короче, супруга Сергея Фёдоровича, эвакуированная ранее из Ленинграда, создала другую семью. Не надо её осуждать, лучше поймём: жизнь гораздо сложнее, чем нам кажется на первый взгляд.

Теперь представим человека, которому 50 лет. Всё, что ты создавал за эти годы, разрушено, уничтожено, от бывшего костра жизни остались чёрные головешки, здоровье ни к чёрту. На своих журналистских тропах мне не раз приходилось встречаться с людьми гораздо моложе, но уже поверженными ниц. Нет, не горем, не страданиями — лёгким дуновением прохладного ветра жизни. Но и его было достаточно, чтобы человек скатился на обочину, стал ломким, бесхребетным, как осенняя трава. Кто-то начинал мерить каждый день опрокинутыми стаканами, другие канючили и скатывались, как говорится, по наклонной. Это не жизнь, а существование.

Сергей Фёдорович Харитонов начал всё сначала. И не где-нибудь — на своём приусадебном участке проводил опыты по селекции и интродукции растений. Это было зёрнышко, из которого вырос Переславский дендрологический сад.

Как давно я здесь не был... Последний раз это было двенадцать лет назад, в начале мая. Накануне состоялась встреча ветеранов в Горкоме партии, которую мне поручили освещать. Выступал Сергей Фёдорович. Потом в коридоре мы с ним говорили. О чём — сейчас и не вспомнишь, но с его страстью к своему делу и так понятно — о саде. Сергей Фёдорович обладал какой-то особой въедливостью и приспособлялся к своему делу всех, кто мог быть хоть чем-то полезен. Журналист встретился по дороге, ну, почему бы и его не прищипить. Несколько раз приходил в редакцию, Сядет напротив — белый светлый старичок: надо бы написать. И всё о саде. О редчайших растениях, о реликтах, роще бархата амурского. Или аралии манчжурской, пихтах, кедрах, соснах... В дендросаде чего только нет.

Несколько раз собирался я написать о нём лично и постоянно что-то мешало. Началась заготовка кормов, и надо было срочно разъяснять читателям влияние одной кормовой единицы на надой на одну фуражную корову. А там уборочная... Вообще не продохнуть. То бабуля придёт, усядется напротив, протянет листок бумаги: крыша течёт, в погребе вода, забор ветром повалило.

В конце концов всё утрясалось, крыши латались, проходила уборочная, начинался зимне-стойловый период... Словом, крутился рабочий маховик газетчика и всё «горело», требовало незамедлительной реакции — лопались трубы, трещали сводки, внедрялся контейнерный способ хранения картофеля (очень занимательная, знаете ли, вещица), разгорался очередной юбилейный почин. А сад не «горел». Он был всегда в полном порядке, под боком и такой привычный для меня и переславцев. Приезжали экскурсии, делегации: ахали, охали, ну надо же — вишня войлочная, берёза карельская, манчжурский орех! И мы воспринимали это как должное: как же, у нас работает Сергей Фёдорович Харитонов.

Он был великолепным рассказчиком и себе на уме дипломатом. Очередных посетителей он доводил до полного восторга и тут же ловил их, словно бабочек сачком, своими проблемами и планами. Так он добивался очень многого. Представьте себе, уже в 1952 году он перенёс первые растения со своего участка на 1 гектар пустыря. Этого гектара надо было добиться. Кто думает, что это легко — пусть попробует повторить. Ничего не преподносилось человеку на блюдечке с золотой каёмочкой.

С годами сад расширялся, захватывал новые участки пустоши, и к сегодняшнему дню только под насаждениями занято почти 50 гектаров.

Словом, тогда мне не удалось рассказать о Сергее Фёдоровиче, а если и взялся — ничего и не получилось. Своей активностью, работоспособностью, деловой заинтересованностью он порой действовал на людей не совсем положительно, особенно на тех, с кем часто встречался. Почему? Я называю это — сопромат, то есть сопротивление материала. В близких и доверительных отношениях мы с Сергеем Фёдоровичем не были. Разговоры шли в «древесно-кустарниковом» направлении и влиянии его на человека, а в душу, извините, не пустит. И вот, представьте, начал бы писать, а вышли одни, что называется, «ёлки-палки». Ну, ладно, можно рассказать о лжетсуге Мензиса. Это дерево доживает до 1000 (тысячи) лет. Ну, можно ещё написать о груше уссурийской, ели канадской, семена которой побывали в космосе и подарены американскими учёными, или, может, вам понравится «аканто панакс сидяцветковый». Мало? В дендросаде 70 тысяч растений, 600 интродуцентов (акклиматизированные растения из различных частей планеты). Можно перечислить — и за три-четыре номера «Славица» мы как-нибудь управимся. А где же человек и его душа?..

Каждый из нас чувствует, как время меняет наше представление о мире, в котором живёшь, и людях. Тридцатилетние, мы оглядывались назад, на своё двадцатилетие, и улыбались прошлому: ну, такие дурачки были! Сорокалетние мы снисходительно смотрим на своё тридцатилетие.

Спустя годы я думаю: Боже мой, как всё просто, доступно и прекрасно.

Заведующая садом Любовь Ивановна Телегина была занята. Я посмотрел генеральный план сада, книгу отзывов. А потом мы вышли на улицу. До калитки не больше двух десятков метров. Там, за оградой, высились деревья. В последнее моё посещение они были другими. Откроем калитку и войдём. Куда? В душу Человека! Как мне было раньше непонятно: всё, что здесь создано, растёт, цветёт зеленеет, обласкано добрыми руками. Это и есть дело, в которое вложена вся душа и жизнь этого светлого человека.

Сергей Фёдорович был романтиком, мечтателем и фантазёром в самом хорошем смысле. На таких и мир держится. Сначала они долго думают о своём деле. И трудится душа. В первую очередь — душа: зачем и кому это нужно? Мне одному? Человеку надо покушать три раза в день и всего одна постель. Сергей Фёдорович работал лесничим, и на это у него средств хватало. Это нужно людям, обществу, и главное — детям. И тогда в своей душе человек начинает растить сад, сажает деревья, собирает семена и снова сажает. Потом в мечтах эти растения растекаются по земле, в парки, скверы, леса. Засаживаются неудобья, помойки — земля одевается в праздничный наряд. Он не успеет всё сделать, но люди поймут его и продолжат.

Формируется идеология жизни и устанавливаются вехи осуществления дела. Такие люди в своих душевных устремлениях намного, на века опережают время и становятся порой непонятны в практических делах. А они просто торопятся. В душе они пережили и год, и два наперёд, и пять лет — им всё ясно: что делать, как и зачем. Они торопятся, чтобы сократить продуманное время, сжать его до предела и сделать больше.

В 1960—1961 годах Сергей Фёдорович заложил яблоневый сад. Сотни деревьев, десятки сортов.

— В зиму 79-го, — говорит Любовь Ивановна, — яблони очень пострадали от морозов. Но вот что удивительно: в нынешнем году все деревья в цветах — я не помню такого!

Свернули на тенистую аллею. Оглянулся на цветущий сад: бело-розовая кипень пробуждающейся природы, подумалось: человек, вырастивший всего лишь одно дерево, может считать не напрасной своё пребывание на этой земле.

Удивительное дело: чем дальше мы шли, тем сильнее охватывало чувство спокойствия, отрешённости от повседневной беготни, толкучки, забот и проблем. Разливался птичий перезвон. Крутился диктофон, Любовь Ивановна с восторгом рассказывала про какие-то очередные диковинные орехи, а мне просто не хотелось думать, что я, в общем-то, на работе и надо будет рассказывать про селекцию гибридов Яблокова, сибирских и корейских кедров. Порой спохватывался, просил повторить и, присев, царапал в блокнот на коленке очередное название. Можно с десятков растений назвать, если вам, конечно, будет интересна черёмуха Маака или, скажем, биогруппа бархата Сахалинского. Что названия, — действует само очарование этого места. Колючая хвоя сосен, елей, освещённая белым светом берёз. Зелёные косы перебирает тёплый ветерок. Таинственно-манящие тенистые дорожки и тропинки, путешествуя по которым можно испытать все оттенки чувств, как от картины талантливого художника: тихую грусть, воодушевление открытия за очередным поворотом и светлую печаль. Вернулось то самое ощущение, знакомое по прошлым посещениям, но подзабытое со временем. Своими впечатлениями я поделился с заведующей. Любовь Ивановна ответила:

— Об этом говорят очень многие посетители. Десятки тысяч растений — это же огромная фабрика по производству кислорода в черте города и ещё один плюс в существовании дендрария. Люди всегда здесь хорошо себя чувствуют.

Обустройство сада можно назвать одним словом — «красиво», но понятие это каждый воспринимает по-своему. Один малыш в порыве любви воскликнул: мамочка, ты у меня такая красивая, как новенький мотоцикл. А поэт, в прошлом артиллерист-разведчик, написал так: «Ты, любовь моя, прекрасна, как отдельно стоящее дерево». Подумаешь: действительно так — дерево служило разведчикам великолепным ориентиром для огня по противнику. Сергей Фёдорович пронзительно чувствовал красоту природы. Мы ощущаем себя в ней властелинами, а на самом деле — мы её дети. Слава Богу, мы начали это понимать, совершенствуя экологическое направление своих дум. С. Ф. Харитонов чувствовал себя заботливым сыном.

Двадцать лет назад на месте оврага, пересекающего сад, был устроен каскад из семи прудов. То есть паводковая вода, поступающая с возвышенности, переполняла первый бассейн, поступала во второй и так далее. В жаркий летний полдень от прудов веяло прохладой и свежестью.

— Не знаю, — говорит Любовь Ивановна, — с природой творится что-то непонятное — нет воды.

Подумалось: а может, с людьми?

Старая часть сада подобна парку — тенистому, ветвистому. Но если пройти через плотину, вы попадаете в новую часть. Дело Сергея Фёдоровича Харитонова отвоевало новые позиции. Здесь море простора, света, зелени. К делу подключились специалисты института «Союзгипроводхоз», руководители области и города. Был создан проект реконструкции и расширения дендросада. Присылались семена и саженцы из многих частей света. И сегодня можно посмотреть — что, скажем, растёт в Северной Америке или Средней Азии, Японии и Китае, на нашем Дальнем Востоке... 8 географических зон.

Любовь Ивановна Телегина — достойный продолжатель дела Сергея Фёдоровича. Работает здесь больше двадцати лет. Всё знает наизусть, назубок, завяжи глаза — проведёт по всему саду и при этом будет подробно рассказывать про каждое растение, мимо которого идём. Мы стояли, и она увлечённо рассказывала про орех, а позади неё росло какое-то невзрачное дерево.

— А это что, позади Вас?

Представьте, она, не оборачиваясь, тут же выдала полную характеристику растения. Она даже и не заметила, что произошло. Рассказала — ну, и что тут особенного: «Пойдёмте я вам покажу, как цветёт вишня».

Каждая пядь земли знакома человеку, но начинала трудно.

— Сергей Фёдорович был своеобразным человеком: всё хотел сделать сам, но и мне настойчивости не занимать. Только с годами, когда он почувствовал, что я пропустила его дело через душу, сказал: «Делай как думаешь».

В кабинете на столе лежала горка шишек. Она сгребла их, накрыла ладонями и затараторила:

— Вы думаете, это простые шишечки? Нет, это не простые шишечки. Это наши, переславские шишечки. Пришлют, скажем, из Германии или Чехии семена, вырастишь деревце, оно даст семена. Потом ещё посадишь. Да набегаешься по саду, напсихуешься: как бы кто не украл всходы. Следить за болезнями надо. У нас ель американская заболела — я чуть с ума не сошла. Словом, муки адавы пройдёшь, пока дело до новых шишечек дойдёт...

Они все здесь такие — романтики, творцы и созидатели. Мастер Зинаида Матвеевна Воронцова, инженер Екатерина Николаевна Китаева, рабочие — Анна Алексеевна Панфилова, Галина Васильевна Старостина, Николай Константинович Крупнов, Евгений Иванович Сотников.

Мы завершали своё путешествие. Вовсю цвели японские яблоньки. По дорожкам катались мальчишки на велосипедах. Молодая мама гуляла с малышом. Он сидел на корточках и заглядывал под листок.

— Мама, а что это такое?

— Это божья коровка, сынок, ты её не трогай, у неё очень много забот.

— Мама, а почему?..

Кто знает, может для этого малыша началось познание этого огромного мира и он вырастит хорошим гражданином.

Переславские школьники помогают дендросаду. Расчищают территорию, проводят опыты, выращивают саженцы. Если человеку постоянно долбить: «люби природу», то это может в сознании превратиться в надпись на могильной плите. А можно просто сказать: «Давай посадим дерево». Поверьте слову, тоненький прутик намертво прикуёт сердце человека к этой пяди земли. Он постоянно будет помнить, что у него растёт дерево. Прибежит с леечкой и польёт его. С этого начинается творчество и мечта. Выучится, уедет, но всегда, до седых волос, будет помнить своё дерево. И обязательно вернётся, чтобы посмотреть.

Проблемы... Всю дорогу мы говорили об этом. Живёт дендросад бедно. Зарплата невелика, не на что даже опрыскиватель купить. Но главная беда — воровство. Люди тянут что ни попадя — ломают ветви, режут ножами драгоценные растения, чтобы этим ворованным заварить чай или надеяться поправить здоровье. В дендросаде вы не увидите ни одной таблички с названиями деревьев. А установи — и можно быть уверенным: дереву пришёл конец. Можно даже поставить трёхметровый бетонный забор — человеку нет преграды, он сделает подкоп и напакостит.

В чём же дело? Думаю, в душе одного человека воздвигнут храм совести, который не допустит поднять руку на чужое дело, а у другого — лачуга, едва сбита гвоздями. Такой идёт без оглядки.

У одного в душе выращен собственный цветущий сад — человек не полезет, словно мышь, воровать. Зачем? А другой ничего не вырастил в этой жизни — в душе пустота, которую природа не терпит. Пустошь заняли сорняки и чертополох. Этому хочется напакостить. Просто так, от нечего делать. Впрочем, кто знает, может, это и не совсем верно.

Сергей Фёдорович Харитонов похоронен на территории дендросада. Вместе с Любовью Ивановной — своей ученицей, перенявшей даже интонацию голоса учителя, они ходили по саду и выбирали место для могилы. И остановились здесь — возле ограды. Скромная могила, скромный памятник. И такое большое, огромное, прекрасное дело вокруг!

Из книги отзывов:

«Переславский дендрологический сад — уникальный в области памятников природы. Посещение этого замечательного рукотворного уголка природы оставило глубокое, неизгладимое впечатление».

«Хотя я многократно бывал в этом дендросаде, тем не менее он снова оставил сильные впечатления. А. Скворцов, профессор, главный научный сотрудник Главного ботанического сада РАН».

«Мы, участники собрания акционеров „Росхимнефть“, восхищены тем, что сделано в дендропарке за время его существования. Это лучший памятник тем, кто живёт и трудится на славной земле Переславля-Залесского».

«Потрясены и восхищены этим благословенным местом. Надо ценить труд тех, кто заложил этот дендрарий и поддерживает традицию, вкладывает труд в то, что увидят наши потомки...»

Кем же ещё был Сергей Фёдорович Харитонов?

Человеком от Бога!

Но мы вовремя как-то этого и не заметили...